

МОДУСЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Социум:
Традиции. Интенции. Тенденции

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КОНСОЛИДАЦИИ НАЦИИ

И.Н. СИЗЕМСКАЯ

Гражданское общество в условиях ускоренной модернизации

Сегодня взаимоотношения человека с властью являются доминирующим фактором жизни мирового социума. В связи с этим усиливается влияние гражданского общества на систему государственного устройства. С одной стороны, в условиях ускорения модернизационных процессов, охватывающих буквально все сферы общественной и индивидуальной жизни, традиционные отношения между гражданами и властью дополняются виртуальными контактами, новыми формами участия в политике и управлении («сетевая демократия», «электронное правительство»), с другой стороны, возрастает непосредственная включенность всех и каждого в социальную практику. На этом фоне активизируется деятельность многочисленных гражданских объединений, союзов, движений, в том числе оппозиционной направленности. Последние, разнообразные по целям и формам организации, начиная от мирных демонстраций и пикетов, заканчивая экстремистскими выступлениями радикалов, могут инициировать *усиление диктата верховной власти, сопровождающееся свертыванием демократии*. (События последних лет на Ближнем Востоке, в Турции, в России, в Украине.) Этот процесс, приобретая глобальный характер, начинает определять направленность эволюции современного мира, что актуализирует интерпретацию стоящих за ним проблем, наполняя новым содержанием казалось бы старые вопросы: через какие правовые и социокультурные механизмы реализуются приватность и публичность в качестве модусов гражданского общества, какие негосударственные организации свидетельствуют о его наличии в стране; насколько правомерно рассматривать разнообразные общества, возникающие по интересу к тому или иному виду деятельности (например, любителей пива, рыбной ловли и т.п.) как его структурные элементы; является ли сфера гражданского общества пространством для деятельности политических партий и союзов? В контексте возникших в стране экономических (развитие товарных отношений и бизнеса, реформа института собственности) и

политических (развитие правового государства) реалий встала задача уточнения в рамках различных видов гуманитарного знания содержания понятия гражданского общества.

Интерес к этой теме, активизированный перестроечными процессами 90-х гг., резко развернувшими страну к модели капиталистической экономики, нашел отражение в многочисленных исследованиях, в разработке учебных курсов для вузов, в обсуждениях проблематики гражданского общества на научных конференциях, в периодической печати, на страницах научных изданий. В центре внимания оказались вопросы об экономическом и юридическом основаниях гражданского порядка, о характере отношений разнообразных гражданских союзов с верховной (федеральной и муниципальной) властью и с набирающим силу бизнесом¹. К важнейшим составляющим гражданского общества стали относить и политические партии, и правозащитные общественные объединения, и свободные СМИ, и независимые суды, и общественные объединения по профессиональным интересам и многие другие объединения и союзы, порой не учитывая в должной мере и не конкретизируя различия в юридическом, экономическом, культурном статусе включаемых в сферу гражданского общества структур, скажем, между обществом филателистов и Комитетом солдатских матерей. Со временем утвердилось рассмотрение гражданского общества как *пространства социально-политической и национальной консолидации народов, проживающих на территории страны*². В качестве общепринятого и как бы подводящего черту под исследованиями этого времени, приведу определение гражданского общества из последнего издания «Философской энциклопедии»: «Гражданское общество — 1) общество, в котором сочетаются частные и общие интересы; 2) общество, достигшее партнерских отношений с государством, способное поставить государство под свой контроль, в котором возможность его членов реализовать свои права и обязанности дополняется способностью государства обеспечить безопасность общества в целом и отдельных граждан; 3) общество, контролирующее не только государство, но и богатство страны, общество с развитыми партнерскими отношениями между обществом, государством и экономикой. В целом гражданское общество можно охарактеризовать как самоорганизующееся начало и сосредоточение негосударственных отношений»³.

Соглашаясь в целом с существующими определениями, хочу заметить, что они по большей части не фиксируют значимость гуманистической направленности интересов, вокруг которых складываются гражданские объединения. Сегодня эти интересы очевидно стоят за претензиями граждан к государству по поводу и образования, и культурной политики государства, и сложившегося жесткого союза СМИ с бизнесом, и состояния науки и др. Но чаще всего они, как и их ценностно-гуманистические смыслы, остаются невидимыми для

власти⁴. Говоря о значимости в наши дни социокультурной составляющей гражданского общества, следует сказать и еще об одной стороне проблемы. Сегодня, в наше крайне политизированное время, именно культура с ее общечеловеческими смыслами ограждает гражданское общество от опасности перерождения его организаций в союзы, которые живут отнюдь не по демократическим принципам и нормам. О реальности такой опасности убедительно говорят, например, события на Ближнем Востоке. Напомню в этой связи высказывание-предупреждение А.И. Герцена, разделявшего многие либеральные идеи и, прежде всего, идею о легальной оппозиции как неотъемлемой структуре гражданского общества. Герцен писал: «Замечено, что у оппозиции, которая открыто борется с правительством, всегда есть что-то от его характера, но в обратном смысле. И я уверен, что существует известное основание для страха, который начинает испытывать русское правительство перед коммунизмом: коммунизм — это русское самодержавие наоборот»⁵. Герцену нельзя отказать в исторической прозорливости, обоснованность его опасений история подтверждала не раз. Достаточно вспомнить, как пришел к власти в Германии национал-социализм и чем это кончилось. Защищать государство от таких «исторических казусов», от рождающихся в его лоне «социополитических монстров» призвано гражданское общество, но оно оказывается способным к этому только при условии, если оно наделено культурным иммунитетом. В России пока такое общество не сложилось, поэтому к предостережениям Герцена следует прислушаться. Если говорить о нашей стране, то следует признать существование и еще одной угрозы. Как считают исследователи, «сейчас прежний настрой на тотальное государственное преобразование и образование гражданского общества сменился апатией большинства населения при одновременном политическом возвышении сложившихся групп коррумпированных политиков-бизнесменов со штампованными лозунгами»⁶ — апатией, отражающей состояние социальной усталости от навязываемых властью решений, от расширяющейся практики игнорирования общественного мнения, от пропаганды СМИ культурных штампов и политических оценок. Поэтому сложившееся (а скорее кажущееся) согласие между властью и обществом может оказаться *эфемерным, поскольку оно есть следствие не столько усилий гражданского общества, сколько их отсутствия*.

В этой ситуации представляется целесообразным обращение к толкованию природы и функций гражданского общества отечественной либеральной мыслью второй половины XIX — начала XX в., связанному с этапом становления *социального либерализма* (другой термин — «новый либерализм»). Оно не утратило своего эвристического потенциала и актуальности как отражающее практику реформационных преобразований, осуществлявшихся в *единстве экономической, политической и социально-культурной составляющих*. В свое время, начавшись с

отмены крепостного права, эти преобразования подготовили базу не только для экономического роста России, но и для становления в ней гражданского общества. Процесс, правда, был приторможен контрреформами, последовавшими после убийства Александра II, но он вызвал настолько глубокие изменения в жизни страны, что уже к началу XX в., по общему признанию, Россия вошла в мировое капиталистическое сообщество, сделав ошеломляющий скачок из *сословного общества в буржуазное*. Обращаясь к названному историческому этапу, следует отметить еще один важный момент. Русский либерализм, став проводником реформационных преобразований, был движим более идеями, нежели групповыми социально-экономическими интересами, т.е. в своих теоретических построениях был свободен от классовой предвзятости. Как система воззрений образованной, гуманистически настроенной части российского общества он был пронизан не столько политическими, сколько социальными началами. Его идеалами были свобода и социальная справедливость, рассматриваемые с точки зрения *общего блага*. Конечно, для русских либералов было очевидно, что без политических свобод не может быть свобод гражданских. Но политические свободы, считали они, это *исходное условие* для развития правового государства и гражданского общества, за которыми стоят *собственные* принципы общественной жизни. Именно эти принципы, базирующиеся на приоритете самоценности личности, были в центре внимания отечественного либерализма и созданной им модели гражданского общества. Его последователи, как заметил Н.А. Бердяев, были скорее гуманистами, чем государственниками, и потому во всех трагических для страны ситуациях, *сохранялся непотопляемый запас общечеловеческих ценностей*. И, видимо, потому же либерализм был «обречен быть вечной оппозицией власти, а не правящей партией» (В.А. Маклаков). Но быть может в этом и состоит его самая большая тайна, скрывающая ответы на вопросы, которые и по сей день люди задают себе, задумываясь о своих отношениях с государством и властью.

Идеи гражданского общества в историческом опыте России

Истоки либерализма в России восходят к XVIII в. («Наказ» Екатерины II), но утверждение его в общественной мысли как системы идей, обосновывающих определенный вектор социально-экономического и политического развития страны, приходится на 50–80-е гг. XIX столетия, а «поправки», внесенные практикой реформирования социальной структуры российского общества — на конец 90-х — начало XX в. На всех этапах русский либерализм вписывался в общую европейскую традицию, но всегда оставался в рамках создаваемых им собственных культурно-исторических традиций. Он развивался в иных социально-исторических условиях (существование в стране самодержавия, крепостного права, отсутствие среднего класса), в ином идейно-поли-

тическом контексте, опирался на свою мировоззренческую мотивацию. Он дал жизнь *новой форме либерализма*, предложив концептуально обоснованную программу преобразований, в центре которых была защита *права человека на достойное существование* (Вл. Соловьёв), гарантированное социально-демократическими нормами общественной жизни — свободой слова, собраний, печати, гласностью судопроизводства, публичностью правительственных действий. Как идейное течение русский либерализм сформировался в полемике славянофилов и западников, что тоже наложило определенную печать на систему его воззрений: он по сути стал попыткой выработать *приемлемую для России*, т.е. учитывающую национальные особенности страны, модель модернизации, ориентированную на *европейский путь развития*. Гражданское общество рассматривалось как социальное пространство для деятельности граждан в рамках правового закона и взаимных обязательств перед государством, как *способ диалога человека с властью*.

Это время вошло в историю России с характеристикой «Эпоха Великих реформ», в результате которых по оценке В.О. Ключевского, Россия буквально сошла со старых основ жизни, встав на путь развития «по европейскому образцу». Главными составляющими этого движения стали разрушение сословных границ традиционного общества и постепенное изменение российской государственности в сторону конституционной монархии, что создавало необходимые социально-экономические, политические, культурные посылки для формирования гражданского общества. И страна очень преуспела на этом пути. Напомню в этой связи оценку работ российских земств Максом Вебером, который отмечал, что опыт последних свидетельствует о ложности распространенного мнения, будто русские неспособны к самоуправлению в условиях свободы. Историческая практика показала, что действительно способны. Важнейшим результатом модернизационных преобразований стало то, что Россия начала привыкать к идее парламентского стиля государственного управления. Реформы, начатые Александром II, став важной вехой на пути реформирования жизненного уклада страны, подготовили почву для земельной реформы П.А. Столыпина, фактически и юридически уравнившей сельскохозяйственных производителей в правах с представителями других сословий. Так случилось, что Столыпину удалось реализовать лишь малую часть задуманного, но и это было равносильно социальной революции. В.А. Маклаков, один из оппонентов Столыпина, вынужден был признать: «За этот восьмилетний период Россия стала экономически подниматься, общество политически образовываться. Появились бюрократы новой формации, понявшие пользу сотрудничества с Государственной Думой, и наши политики научились делать общее дело с правительством»⁷. Примечательна оценка реформ Столыпина Лениным, который, говоря об их возможных перспективах, соглашался, что

они окончательно перевели бы жизнь страны на буржуазный лад, и это «могло бы заставить нас отказаться от всякой аграрной программы»⁸. К необходимости модернизации сельского хозяйства по «столыпинскому вектору» страна вернулась без малого столетие спустя, но, к сожалению, в новых условиях столыпинским реформам не была дана адекватная оценка — ни на уровне государственной политики, ни на уровне философской рефлексии. Сегодня, вспоминая опыт «Великих реформ» в контексте проблем развития гражданского общества, важно осознать, что модернизация жизненного уклада страны осуществлялась *в единстве экономической, социально-культурной и политической составляющих*. Именно поэтому она имела столь удивительный успех в главном — ею была подготовлена почва для становления гражданского общества на *адекватной* ему социально-экономической основе.

В Европе гражданское общество исторически утверждало себя на практике и в общественном сознании как общество частных интересов, покоящееся на законах товарного производства. В качестве его социально-экономического основания постулировалась частная собственность, суверенитет ее владельца, охраняемый законом, свободный товарный обмен и свободное движение капиталов. Гражданское общество понималось и развивалось как социальное пространство, на котором люди взаимодействуют в качестве субъектов экономической жизнедеятельности. (Именно этот момент К. Маркс отразил в своем известном тезисе: анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии.) В отечественной общественной мысли идеи гражданского общества, первоначально развивались по этому вектору (либерализм К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина). Но особенности социально-политической и культурной ситуации (диктат со стороны самодержавия, отсутствие политических партий, господствующая парадигма национального самосознания) определили, а можно сказать предопределили специфику их интерпретаций и практической реализации. Гражданское общество стало рассматриваться как: 1) гражданский порядок, основанный на экономических и политических гарантиях в рамках правового законодательства, 2) социальное пространство жизнедеятельности гражданских союзов, способных противостоять давлению со стороны власти, 3) способ консолидации граждан для решения национальных задач, 4) состояние, позволяющее человеку ощущать себя в роли свободного члена общества. Со временем акценты в интерпретации сути и функций гражданского общества смещаются в сторону соотносительности гражданских свобод с возможностями личностного развития человека.

Концептуальное обоснование такая переориентация в толковании гражданского общества нашла в исследованиях П.И. Новгородцева («Введение в философию права»), Н.М. Коркунова («Лекции по общей теории права»), С.А. Котляревского («Власть и право»), Я.В. Петра-

жицкого («Теория права и государства»). К особенностям рассмотрения проблемы в этом ракурсе следует отнести включение ее в проблемное поле философии права. В рамках последней цель государства виделась не только в том, чтобы нация существовала, но и в том, чтобы она существовала *достойным образом*, гарантируя человеку гражданские свободы и социальную справедливость в пользовании общим благом. Позже, в начале нового века эта мысль получила развитие в контексте теории *правового социализма* С.И. Кистяковского («Сущность государственной власти») и С.А. Гессена («Проблемы правового социализма»). Современники нередко упрекали либералов в отходе от классических начал либерализма, в эклектизме, в сдаче позиций социализму и пр. Против этих обвинений либералы решительно возражали, а связь своих идей с классическим, европейским либерализмом постоянно подчеркивали. С ним их объединяло признание *самоценности человеческой личности и ее свободы, защита правового государства, приоритета права над политикой*. Сохранив основное кредо классического либерализма, они дополнили его двумя значимыми идеями: *идеей «социализации государства»* и *идеей «права-притязания»*.

Обе эти идеи исходили из признания, что гражданское общество, строящееся на принципах согласия и толерантности, призвано защищать право личности на потребление общественных благ, на приобщение к культурным ценностям, на получение образования, на участие в качестве гражданина в разнообразных видах общественной жизнедеятельности, на свободу вероисповедания. «Социализация государства», таким образом, увязывалась не с социализмом как определенным типом общества, а с процессом реформ, направленных на расширение сферы гарантируемых прав человека-гражданина как свободной личности. Новгородцев писал: «Когда мы говорим, что социализм, входящий в культурную работу современного государства, “врастающий” в современное общество, вполне приемлется теорией новейшего либерализма и практикой правового государства наших дней, это значит, что мы... имеем здесь в виду социализм, утеравший свое внутреннее существо и превратившийся в политику социальных реформ»⁹. Той же оценки придерживался и «правовой социализм»: Б.А. Кистяковский подчеркивал, что принимает социализм как принцип, а не как факт, С.И. Гессен неоднократно предупреждал, что его правовой социализм к большевистскому не имеет отношения. В учении о социализме не принималась идея насильственного свержения существующей власти, диктатуры одного класса, не принималось пренебрежение демократическими принципами общежития. Но влияние учения о социализме на либеральные воззрения о переустройстве российского общества, конечно, просматривается, что не удивительно и вполне объяснимо: его представители прошли через увлечение *легальным марксизмом*, признававшим концептуальную значимость многих марксистских

идей. Признавали это и сами либералы. Новгородцев вынужден был констатировать: «За марксизмом мы должны признать значение той идейной грани, после которой уже невозможен возврат нравственного сознания к прошлому, после которой и современное правовое государство должно было радикально изменить свой взгляд на задачи политики, на сущность права, на принципы равенства и свободы»¹⁰.

Понятие «социализация государства» выражало главное требование, адресованное государству: гарантировать каждому необходимый уровень материального благополучия, без которого невозможно достижение никаких гражданских свобод и существование гражданского общества в качестве социально-политического пространства для диалога с властью. Без обеспечения соответствующих материальных условий свобода для подавляющей части населения страны может остаться пустым звуком, недостижимым благом, закрепленным за ней юридически и отнятым фактически. Безусловная значимость предложенной установки в оценке деятельности государства и возможности в стране гражданского общества состояла в признании, что люди, лишённые необходимого уровня экономических благ, теряют базовую основу гражданских свобод, обеспечивающих человеку жизнь как Гражданина и Личности.

Вторая идея нового либерализма, определившая общую направленность воззрений его приверженцев на социальные основания и функции гражданского общества — это *идея о «праве-притязании»*. Она увязывала в единую «формулу» обязанности государства и человека-гражданина: государство гарантирует каждому право на свободное волеизъявление в рамках существующих законов, «помогая им положительным образом» в этом, граждане же в свою очередь выстраивая свои отношения с властью, должны руководствоваться принципом «деятельной благожелательности». Такой подход защищал модель гражданского общества, внутренними скрепами которого являются *право и долг*. Это меняло представления о сути самих гражданских свобод. Свобода представала, как писал С.И. Гессен, не отрицательным состоянием индивида (свобода «от»), а положительным (свобода «для»). Иными словами, она трактовалась как исторически подвижные возможности творческого участия в жизни общества, как качество, находящееся в непрерывном процессе, «могущее расширяться и сужаться, расти и возрождаться». Такое толкование позволяло воспринять *всю полноту* «согласных» отношений человека с государством в любой сфере.

И еще один важный момент. Концепт «право-притязание» утверждал *право человека на свободную жизнь в публичном пространстве*, т.е. на его *субъектное* включение в экономическую, политическую и культурную жизнь общества. Сфера личных прав интерпретировалась как своеобразная «непроницаемость личности для другого», исключая превращение человека в орудие чужой воли, в средство достижения чуждых ей целей. Именно в этом, я бы сказала, *гуманистическом*

контексте рассматривались вопросы о политических свободах, о расширении избирательных прав граждан, о привлечении к социальной практике широких слоев населения, о придании правового характера противостоянию власти общественно-политических союзов, движений, объединений, но главное — утверждалось признание, что *никто сам по себе не является выразителем общей воли народа*. Поэтому цель гражданского общества — искать совместно с государством разумные компромиссные решения для всех вопросов, находя «равнодействующую» сталкивающихся интересов во имя достижения согласия и социального мира. Этим либерализм утверждал, что правовое государство как юридически-правовая основа гражданского общества более координирует, чем властвует, а его функции состоят в обеспечении условий *гражданской солидарности*, представляющей собой по сути тот общественный идеал, следование которому составляет смысл и содержание деятельности гражданского общества.

Следует отметить, что, говоря о гражданском обществе, об ожидаемой направленности действий входящих в него союзов и движений, новый либерализм обращал особое внимание, как бы мы сказали сегодня, на человеческий фактор. Позитивный эффект гарантируемого правом самоуправления и самоорганизации людей в союзы и объединения непосредственно связывался с «качеством человеческого материала» (Н.А. Бердяев), т.е. со *способностью и готовностью человека (масс) к позитивно-конструктивным действиям*. Последние предполагают необходимый уровень морального сознания, критической рефлексии и правовой культуры, т.е. определенную степень развития *правосознания*. Об этом особенно настойчиво предупреждал Б.А. Кистяковский, говоря о русской интеллигенции и ее отношении к правам личности и к гражданскому правопорядку, выясняя в этой связи, насколько интеллигенция способна участвовать в правовой реорганизации государства в направлении превращения его «из власти силы во власть права»¹¹. Трудность решения этой задачи он связывал с «притупленностью» правосознания и отсутствием интереса к правовым идеям. «Наше общественное сознание, — замечал с сожалением Кистяковский, — никогда не выдвигало идеала правовой личности. Обе стороны этого идеала — личности, дисциплинированной правом и устойчивым правопорядком, и личности, наделенной всеми правами и свободно пользующейся ими, чужды сознанию нашей интеллигенции»¹². Этим можно объяснить и факт сегодняшней неразвитости *гражданского сознания* (гражданственности) у подавляющей массы населения страны.

Таким образом, если классический либерализм мыслил отношения власти и отдельного лица как отношения взаимного безразличия, то *социальный либерализм* предложил идею *согласованных*, взаимных прав и обязанностей. Если классический либерализм настаивал на полном невмешательстве государства в дела гражданского общества, то социальный либерализм утверждал правовую равнозначность, т.е. равную

правовую оправданность, притязаний того и другого по отношению друг к другу, наполняя эти притязания гуманистическим содержанием. Это ограждало идею гражданского общества от излишней политизации, но допускало непозволительное, с точки зрения формального права, расширение толкования правовых норм и правопорядка. В оправдание последнего следует заметить, что внесенные социальным либерализмом коррективы в трактовку природы государства и права не противоречили общему духу либеральных ценностей, что нашло подтверждение позже в движении европейских государств к современным видам «социального государства». Значимость внесенных коррективов определялась, *во-первых*, признанием безотносительной ценности гражданских свобод, а *во-вторых*, предложенным сопряжением их с исторически складывавшимися нормами морально-нравственного поведения (стремление к соблюдению справедливости, жить «по правде», сострадательность к неимущим, готовность к жертвенности, патриотизм и др.). Утверждалось понимание гражданского общества не только как совокупности возникающих на базе свободного товарного обмена объединений и союзов, но и как жизненного пространства, позволяющего человеку противостоять власти, поддерживая ее во имя общего позитивного дела. Перенос акцента в трактовке функций и задач гражданского общества в сторону единения гражданских свобод с нравственным развитием личности и культивированием духа толерантности открывал новые формы защиты от возможных проявлений в его лоне радикализма и экстремизма.

Сегодняшний опыт развития мировых процессов свидетельствует: от того, в какой мере изменения в экономике, в государственном устройстве, в поведенческих ориентациях людей будут осуществляться «под знаком культуры», зависит вектор и характер деятельности входящих в гражданское общество объединений, уровень достигаемого гражданского консенсуса, без которого в наши дни невозможно избежать тех страшных конфликтов, свидетелями которых мы являемся и которые представляют реальную угрозу существованию человеческой цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Гаджиев К.* Концепция гражданского общества // Вопросы философии. 1991. № 7; *Сиземская И.Н., Новикова Л.И.* Новый либерализм в России // Общественные науки и современность. 1993. № 5; *Апресян Р.Г.* Гражданское общество // Неконцептуальный сборник. – М., 1997; *Библер В.С.* О гражданском обществе и общественном договоре // *Библер В.С.* На границах логики и культуры. – М., 1997; Опыт русского либерализма. Антология. – М., 1997; Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. – М., 1998; *Козловски П.* Общество и государство: неизбежный дуализм / пер. с нем. – М., 1998; *Володин А.* Гражданское общество и модернизация в России // Полис. 2000. № 3; *Резник Ю.М.* Гражданское общество. Либеральные ценности в сознании России // Политические исследования. 1994. № 1, 2; Об-

щество как феномен цивилизации. Ч. I. – М., 1993. Ч. II. – М., 1998; Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. Москва, 27–29 мая 1998; *Аришинов В.И., Савичева Н.Г.* Гражданское общество как проблема коммуникативного действия // Синергетика: человек, общество. – М., 2000; Гражданское общество: истоки и современность. – СПб., 2000; Гражданское общество в России: западная парадигма и российская реальность. – М., 2002; *Мамут Л.С.* Гражданское общество и государство // Общественные науки и современность. 2002. № 5.

² См.: *Абакумов С.А.* Гражданское общество и власть, противники или партнеры. – М., 2005; Консолидация и модернизация России / под ред. А.А. Гусейнова, А.В. Смирнова, Б.О. Николаичева. – М., 2014; *Неретина С., Огурцов А.* Концепты политической культуры. – М., 2011; *Ушакова И.В.* Гражданское общество в России и роль политической культуры в его формировании. – М., 2004; Человек и культура в становлении гражданского общества в России. Материалы 2-й Всероссийской конференции. Москва – Тамбов, 21–23 мая 2007 года. – М., 2008.

³ Философская энциклопедия. Т. 1. – М., 2010. С. 549.

⁴ Так, движение педагогов против пресловутого ЕГЭ, имело своей целью не столько отмену (или изменение формы) этого одиозного экзамена, сколько протест против выхолащивания из учебного процесса гуманитарного знания, ранее сложившихся форм личностных контактов между учениками и педагогами, против превращения школы в «учебный комбинат». Неприемлемый в своей первоначальной форме ЕГЭ, можно сказать, был поводом для обсуждения более существенных для сегодняшней школы вопросов. Но разговор с министерством образования, т.е. с властью, свелся к разговорам по поводу упорядочивания, совершенствования, установления большей прозрачности процедуры сдачи экзамена. Реформируя Академию наук, упустили главное, что беспокоило ученых: как, следуя назревшим реформам, сохранить складывавшиеся несколько столетий формы творческого союза, оправдавшие себя перед историей несомненными успехами в главном – в получении новых знаний, в разработке востребованных практикой научных технологий, в достижении общезначимых научных результатов.

⁵ *Герцен А.И.* О развитии революционных идей в России // *Герцен А.И.* Собр. соч. В 8 т. Т. 3. – М., 1975. С. 471.

⁶ *Неретина С., Огурцов А.* Концепты политической культуры. – М., 2011. С. 267.

⁷ *Маклаков В.А.* Вторая Государственная Дума. – Париж, 1942. С. 601.

⁸ *Ленин В.И.* Об оценке текущего момента // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 32.

⁹ *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. – М., 1991. С. 516.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: *Кистяковский Б.А.* Государство и право // *Кистяковский Б.А.* Избранное. – М., 2010; *Кистяковский Б.А.* В защиту права // Вехи. Из глубины. – М., 1991.

¹² *Кистяковский Б.А.* В защиту права. С. 128.

REFERENCES

Civil society: the origins and the modernity. Saint Petersburg, 2000 (in Russian).

Hessen S.I. Problems of Law Socialism. In: Hessen S.I. Selected works. Moscow, 2000 (in Russian).

Kapustin B. *Citizenship and Civil Society*. Moscow, 2011. 224 p. (in Russian).

Kistyakovsky B.A. State law. In: Kistyakovsky B.A. Selected Works. Moscow, 2010, pp. 555-573 (in Russian).

Neretina S.S., Ogurtsov A.P. *The concepts of political culture*. Moscow, 2011. 279 p. (in Russian).

Novikova L.I. Sizemskaya I.N. *Three development models of Russia*. Moscow, 2000. 272 p. (in Russian).

Аннотация

В статье рассматривается гражданское общество как способ диалогического отношения человека с властью и как социально-культурное пространство консолидации нации. Обращаясь к истории интерпретации идеи в этом направлении в отечественной философской мысли, автор ставит вопросы о путях становления гражданского общества в России и современных проблемах его развития.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, «право-притязание», верховная власть, социальный конфликт, консолидация нации, толерантность, гражданственность.

Summary

The article examines the civil society as a way of dialogical relationship between man and power, and as a socio-cultural space of nation consolidation. Referring to the history of the interpretation of the ideas in this direction in the national philosophy, the author raises the question about the ways of becoming of civil society in Russia and about the current problems of its development.

Keywords: civil society, state, «right-claim» sovereignty, social conflict, consolidation of nation, tolerance, citizenship.